

УДК 811.161.1'42

Е. В. Маслий

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Концепт «русское» в концептосфере Александра Башлачева

Маслий О. В. Концепт «руське» у концептосфері Олександра Башлачева. У творчості відомого російського рок-барда Олександра Башлачева завершився синтез західних музичних та поетичних форм і руської національної традиції. Тексти цього автора створені у жанрі «літературної поезії», відмінної від «пісенної поезії» своєю класичною віршованою формою та змістом. Стаття присвячена опису концепту «руське» в концептосфері О. Башлачева, яка демонструє глибину його проникнення у філософську, моральну сутність російського життя.

Ключові слова: концепт, концептосфера, ядро та периферія концепту, поетична традиція, феномен «руського».

Маслий Е. В. Концепт «русское» в концептосфере Александра Башлачева. В творчестве известного русского рок-барда А. Башлачева завершился синтез заимствованных западных музыкальных и поэтических форм и русской национальной традиции. Тексты этого автора созданы в жанре «литературной поэзии», отличающейся от «песенной поэзии» своей классической стихотворной формой и содержанием. Статья посвящена описанию концепта «Русское» в концептосфере А. Башлачева, демонстрирующей глубину его проникновения в философскую, нравственную суть русской жизни.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, ядро и периферия концепта, поэтическая традиция, феномен «русского».

Masliy E. V. The concept “Russian” in the conceptosphere of Alexander Bashlachov. In the work of the famous Russian rock bard A. Bashlachov, the synthesis of the borrowed western musical and poetic forms and the Russian national tradition was completed. This author's texts are created in the genre of “literary poetry”, which differs from “song poetry” with its classical poetic form and content. Despite the small amount of the creative heritage of this author (about 80 verses in all), he demonstrates the depth of penetration into the philosophical and moral essence of the Russian life.

The article is devoted to the description of the concept “Russian” in the conceptual sphere of A. Bashlachov. It is established that the nucleus of the concept is formed around the meanings of ‘love’ (‘heart power’), ‘pain’, ‘soul’, ‘material and spiritual poverty’, ‘trials’. The close periphery of the concept defines a whole range of characteristics: death as a measure of life, aspiration to heaven, cruelty, duality, propensity to extremes, grief-melancholy, passion, thirst for a miracle, craving for considerable, moral promiscuity, lack of reflection and others.

Key words: concept, conceptosphere, core and periphery of the concept, poetic tradition, phenomenon of «Russian».

*«Стилистически то, что он пел,
было ближе протопону Аввакуму,
чем лексике тусовщиков
из ленинградского рок-клуба»
И. Смирнов.*

А. Н. Башлачев – русский «поющий поэт», рок-бард второй половины 20 века, незаслуженно забытый в наше время. Однако творческое наследие этого автора (всего около 80 стихотворений), образ «бесприютного» человека с гитарой, всецело посвятившего себя поэзии, его трагический уход из жизни (в контексте проблематики эстетизации судьбы, автобиографического мифа столь важного для русской культуры [6]) и пр., безусловно, оказали огромное влияние на современников А. Башлачева – как коллег по цеху, так и обычных слушателей: «И удивительно, что эта среда (ленинградский рок-клуб – прим. Е. М.) его не просто признала своим. Но и поставила в ней, наверное, выше других. У него был странный

статус: он был поэтом для поэтов, его хуже знала широкая аудитория, чем, например, Шевчука или Гребенщикова. Он не любил эти манежи и арены, но сами рок-звезды этой рок-культуры смотрели на него снизу вверх, насколько в этой демократической среде это было возможно...» (И. Смирнов, программа «Севалогия»).

Эта важная роль «маленького человека из Череповца» отмечается и создателями истории рок-музыки [7], и филологами (см., напр, [8]), и профессиональными литераторами (Вознесенский, Житинский, см., напр., [3]).

Такое признание правомерно и обусловлено главной особенностью текстов этого автора – их литературностью. Это парадоксальное, по сути, утверждение объясняется очень просто. Текст рок-композиции и литературный стихотворный текст могут ощутимо отличаться. Эта разница

обусловлена синкретичністю рок-музики как жанра, предполагающей комплексное воздействие на слушателя, в связи с этим текстом целой песни может стать одна строчка, исполняемая в разных музыкальных вариациях / перепевах, а «изучение печатного варианта в отрыве от интерпретируемого, звукового, может привести к искажению «исходного» смысла». Подробней об этом [4].

Настя Рахлина, гражданская жена поэта, считала, что «СашБаш¹ был первым, кто органически связал русскую поэзию с большим нервом рок-музики, первым из рокеров, заглянувшим в глубины, рождающие слова, первым из поэтов, вспомнившим традицию древнего исполнения стихов в ритме дыхания...» [2].

По-видимому, такое трепетное отношение к Слову было напрямую связано с личностью и биографией поэта, который закончил факультет журналистики Уральского государственного университета, много читал, был знаком с фольклорными текстами, прекрасно, не понаслышке знал жизнь русской глубинки (например, летом жил у бабушки под Череповцом: *Я опять на краю знаменитых вологоданских лесов. / Как эскадра в строю, проплывают корабли деревень, / И печные дымы – столбовые мачты без парусов* («Зимняя сказка»)²), почитал слова и идиомы, изучая их по словарям.

В поэзии А. Башлачева завершился синтез заимствованных западных музыкальных и поэтических форм и русской национальной поэтической традиции³.

Главная(-ый) тема / пафос творчества поэта – созвучно-синонимичные понятия «Любовь» – «Боль», звучащие в унисон: *...Объясни – я люблю оттого, что болит, / Или это болит оттого, что люблю* («Посошок»).

Особенность башлачевской Любви в ее всеобъемлемости и всеохватности, в особом напряжении, накале этого чувства: *Вечный пост, / умойся в моей любви!* («Вечный пост»); *Тут дело простое – нет тех, кто не стоит, / Нет тех, кто не стоит любви* («Тесто»); *Она приносит огня и хлеба, / Когда ты рубишь дорогу к небу* («Ванюша»).

Драматизм и даже трагизм, вызывающие

острейшую боль лирического героя, вызваны невозможностью *такого совершенного* чувства в реальном мире его соотечественников. Однако поэт наделен им с избытком: *Не надо, не плачь. Сиди и смотри, / Как горлом идет любовь. / Лови ее ртом. Стаканы тесны. / Торпедный аккорд – до дна...* («Все от винта»).

Это мироощущение наиболее явно выражено в стихах, посвященных феномену «русского», – русской души, русского человека, русской природы и пр. Уникальное (в силу многогранности) описание этого феномена можно признать главной темой А. Н. Башлачева. Об этом в сопроводительной статье к пластинке «Время колокольчиков», выпущенной фирмой «Мелодия» уже после смерти поэта, писал А. Троицкий: «Глубина его проникновения в философскую, нравственную суть русской жизни совершенно непостижима...: он знает больше нас, он чувствует острее, ему даровано «что-то еще», нам неведомое».

Цель данной статьи – реконструкция содержания концепта «Русское» на материале творчества А. Н. Башлачева. Эта предельно обобщенная номинация не случайно выбрана в качестве имени концепта. Она позволяет суммировать представления о трудно описываемых феноменах, выражаемых фразеологизмами «русский менталитет», «русская ментальность», «русский характер», «русская душа» и пр. (ср. Э. Лимонов «Русское»). В задачи работы входит описание структуры этого концепта: определение его ядерных и периферийных смыслов.

Личностные характеристики самого поэта: максимализм, потребность в идеале, его интуитивное предощущение, невозможность достижения в реальной жизни, а значит обделенность главным, смыслоутрата (по Виктору Франклу), ведущая к отчуждению человека от контекста жизни, ее обесмысливанию – становятся основным мотивом его стихов: *Мы тоске зеленой – племяши родные* («Лихо»); *Лишь печаль-тоска облаками / Над седой лесною страной...* («Некому березу заломати»).

Героев поэзии А. Башлачева можно разделить на тех, кто испытывает острую боль от несовершенства жизни: *Разом пойдем, / Как болела живая душа* («Имя имен»)⁴, и тех, кто живет в летаргическом сне, механически, по привычке, не пытаясь понять, что же с ними происходит, вытесняя в глубины бессознательного «души высокие порывы».

Плотина в виде нереализованности как бы накапливает потенциал, внутреннюю мощь этих

¹ Так называли поэта в рок-н-рольных кругах.

² Стихотворения А. Башлачева цитируются по [1].

³ Известно, что тексты русских рок-композиций претерпели своеобразную эволюцию: от подражательных рок-н-рольных песен с макароническими текстами, имитировавшими фонетику английской речи в середине 70-х годов, до самодостаточных литературных форм в конце 80-х [5].

⁴ К ним прежде всего относится лирический герой поэта.

людей и в определенной ситуации делает их способными на порыв, безумие, жертвенность, подвиг, самоотвержение, самоотречение. Ср. стихотворение «Ванюша» – программное для творчества Башлачева: *Гулял Ванюша вдоль синей речки / И над обрывом / Раскинул руки / То ли для объятия / То ли для распятия...*

Под действием прорвавшейся плотины, определяющей напор, безудержность, безграничность: *Звонари черными мозолями / Рвали нерв медного динамика* («Время колокольчиков»); импульсивность, спонтанность и неуправляемость: *Позабыв откуда, скачем кто куда* («Лихо»), человек действует иррационально, поддаваясь нахлынувшим чувствам и ощущениям, в которых есть что-то дикое, необузданное: *Эй, Братва! Чуєте печенками / грозный смех русских колокольчиков?* («Время колокольчиков»).

Модель русского мира, в котором *снаружи – все еще пусто? / А внутри по-прежнему тесно...* («Некому березу заломати»), предельно концентрированно выражает четверостишие А. Башлачева: *Если забредет кто нездешний – / Поразится живности бедной, / Нашей редкой силе сердешной / Да дури нашей злой-заповедной* (Там же).

«Злая дурь» связана с духовным упадком, о котором неоднократно пишет поэт: *Купола растеряли золото. / Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты* («Время колокольчиков»); *Душа в загуле. / Да вся узлами. / Да вы ж задули / Святое пламя!* («Ванюша»), но, как представляется, в большей степени обусловлена особенностью русского мироощущения, связанного с полюсной ориентированностью черт характера⁵:

- склонностью к крайностям: *Если плач – не жалели соли мы. / Если пир – сахарного пряника* («Время колокольчиков»); *Ведь святых на Руси – только знай выноси! / В этом высшая мера. Скопихорони* («Посошок»);

- амбивалентностью, двойственностью: *Коротки причастия на Руси. / Не суди Ты нас! На Руси любовь / Испокон сродни всякой ереси / Испокон сродни черной ереси* («Вечный пост»); *Гуляй, собака, живой куда! / Из песни – в драку! От драки – к чуду!* («Ванюша»).

При таком раскладе звериная жестокость – *Я пойду смотреть, как Твою сестру / Кроют сваты втемную, в три бревна* («Вечный пост»); *Через сугробы, через ухабы... / Молитесь, девки. Ложитесь, бабы. / Ложись, кобылы! Умри старуха! / В Ванюхе силы! Гуляй, Ванюха!*

⁵ См. об этом в философской и филологической литературе, например: Н. Бердяев «Судьба России», И. Левонтина, А. Шмелев, А. Зализняк «Ключевые идеи русской языковой картины мира».

(«Ванюша») – и милосердие, доброта, понимание и всепрощение (ср. сюжет стихотворения «Хозяйка», в котором героиня в ответ на циничную корысть, проявленную по отношению к ней, отвечает, тихо качая головой: *Это ничего...*) становятся полюсными проявлениями русского отношения к миру.

Ретроспектива творчества А. Н. Башлачева представляет очень неприглядную, скудную во всех смыслах жизнь, вросшую / врошенную в обыденность (т. е. в высшей степени привычную): *Век жуем матюги с молитвами. / Век живем – хоть шары нам выколи. / Спим да пьем. Сутками и литрами. / Не поем. Петь уже отвыкли...* («Время колокольчиков»); *Города цветут синяками / Да деревни – сытью чумною* («Некому березу заломати»); *Вьюга продувает белые палаты. / Головати кивает хвост из-под заплаты; Пососали лапу – поскрипим лаптями* («Лихо»); *А мы все между волком и вошью* («Некому...»). Перед нами беспросветное существование, остановившаяся жизнь: *Под окном по ночам – то ли песня, то ли плач, то ли крик, / То ли спим, то ли нет! Не поймешь нас – ни живы, ни мертвы* («Зимняя сказка») (в противоположность принципиально иному мироощущению, которое на другой параллели / Сквозняками рвется сквозь щели («Некому...»)).

Похоже, что эта беспросветность определяется равнодушием людей к своей жизни, безответственностью за нее, бездеятельностью: *По сколько лет лошади не кованы. / Ни одно колесо не мазано. / Плетки нет. Седла разворованы / И давно все узлы развязаны...* («Время колокольчиков»); *Некому березу заломати* («Некому...»), а также нравственной неразборчивостью *А крестины там, иль поминки – / Все одно там пьянка-гулянка* («Некому...»), комплексом Манилова / Обломова (см. ниже), безволием, приводящим к алкоголизму: *Вот тебе медовая брага, / Ягодка-злодейка-отрава. / Вот тебе, приятель, и Прага. / Вот тебе, дружок, и Варишава* («Некому...»).

Однако устоявшуюся жизнь меняет / ломает случай (стихотворение «Грибоедовский вальс»), который заставляет героя поэзии Башлачева прозреть и осознать всю ничтожность собственного существования, испытать чувство стыда и «не принять такой билет» (герой стихотворения кончает жизнь самоубийством): *Он смотрел голубыми глазами. / Треуголка упала из рук. / И на нем был залитый слезами / Императорский серый сюртук.*

В поэтическом мире СашБаша возможен и другой, альтернативный финал, в котором духовное банкротство героя нивелируется его способностью возродиться из пепла и служить людям: *Преломлю хлеба румяные / да накормлю я все / тех, кто придет сюда / тех, кто поможет мне / рассеять*

черный дым... («Мельница»).

История страны – это история выживания народа в противостоянии с природой, суровой и неласковой к человеку: *А не то сломаете зубы / Об широты наши смурные* («Некому...»), с которой, тем не менее, русские люди находятся в родственных отношениях, ср.: *Клевер да береза. Полевое племя* («Лихо»), – пишет поэт о своих соотечественниках.

История народа – это исторические катаклизмы XX века. Осмыслению этой темы посвящено несколько программных стихотворений А. Башлачева («Петербургская свадьба», «Ржавая вода», «Абсолютный вахтер»), описывающих времена, которые *согнули / страну в бараний рог и пили из него: Босиком гуляли по алмазной жиле. / Многих постреляли. Прочих сторожили. / Траурные ленты. Бархатные шторы. / Брань, аплодисменты да стальные шпоры* («Лихо»).

Судьба обрекает человека на невероятные испытания, которые, по ощущению, предначертаны, предназначены ему: *Стопудовый камень на шею. / Рановато, парни, купаться! / Хороша студена водица, / Да глубокий омут таится – / Не напиться нам, не умыться, / Не продрать колтун на ресницах* («Некому...»); *Вся Нева будет петь. / И по-прежнему впадать в Колыму* («Зимняя сказка»).

С другой стороны, очевидно, что исторические перипетии, социальные условия, вынужденная аскеза (*Выкатим кадушку капусты. / Выпечем ватрушку без теста; Всемером ютимся на стуле, / Всем миром на нары-полати* («Некому...»)) настолько закаляют человека, что он обретает мощь и невероятную духовную силу: *Долго шли зноем и морозами. / Все снесли и остались вольными. / Жрали снег с кашею березовой. / И росли вровень с колокольнями* («Время колокольчиков»); *А приглядишь / да за Лихом – Лик / за Лихом – Лик* («Когда мы вместе»); *Но капля крови на нитке тонкой / Уже сияла, уже блестела / Спасая душу, / Врезалась в тело* («Ванюша»). При этом долготерпение его героя получает амбивалентную оценку поэта, который пишет: *Если б не терпели – по сей день бы пели. / А сидели тихо – разбудили Лихо* («Лихо»).

В обыденной жизни, в которой героике как будто бы нет места, на этом простом, «многократно луженом» человеке, на его «обыденном» героизме держится огромная страна: *И плывут до утра хутора, где три кола – два двора, / Но берут на таран всероссийскую столетнюю мель. / Им смола – дикий хмель. А еловая кора им – махра. / Снежок – сахарок. А сосульки им – добра карамель* («Зимняя сказка»), а духовная устремленность проявляется невероятной жаждой чуда и тоской по

высокому, героическому, экстраординарному: *В «Труде» сенсационная заметка / О том, что до сих пор шумит тайга. / А мне до боли хочется в разведку, / Уйти и не вернуться в эту клетку, / Уйти – в чем есть – в глубокий тыл врага* («Подвиг разведчика»).

Примечательно, что жажда подвига обнажает духовную пустоту человека в ситуации сбитого ритма рутинного течения жизни (выходной, который не на что потратить). Показательна иллюзорность некоей цели, страстность, с которой она может быть достигнута, а также воображаемость ее достижения. Это свидетельствует о слабой воле (комплекс Обломова) и отсутствии реального потенциала, заменяемого на виртуальный (комплекс Манилова). Видимо, именно этот феномен «таинственной русской души» определяла Л. Улицкая как «*мощнейшее целеполагание с полным отсутствием здравого смысла*» (в открытой лекции «Маленький человек меняет большую историю»).

Подсчитав частотность тех или иных характеристик, складывающихся в поэзии А. Н. Башлачева в концепт «Русское», представим его структуру. Ядро концепта формируется вокруг смыслов 'любовь' («сердечная сила»), 'боль', 'душа', 'материальная и духовная нищета', 'испытания', 'сила духа', 'потенциал человека'.

Ближнюю периферию концепта определяет целый комплекс характеристик, представленных в порядке снижения их частотности: общинность существования (вернее, осознание ее необходимости), смерть как мерило жизни, устремленность к небу, жестокость, амбивалентность, склонность к крайностям, печаль-тоска, алкоголизм, неудачливость (склонность попадать в беду), бесперспективность жизни, страстность, неуемность, духовный кризис, жажда чуда, тяга к высокому, значительному, настоящему, отсутствие рефлексии, нереализованный потенциал, вольность, свобода, жалость, нравственная неразборчивость, неприкаянность, бесхозяйственность, безродность, стремление к истине, эгоизм, судьба, страх. Дальняя периферия представлена ассоциативным комплексом, связанным с перечисленными характеристиками.

В творчестве А. Н. Башлачева синтезированы «драйв» рок-н-рольных ритмов, энергетика авторского исполнения и классическая литературная традиция, реализованная как в высоком поэтическом мастерстве автора, так и в гражданственном, гуманистическом звучании его стихов. Перспективу их дальнейшего изучения определяет синкретизм всех перечисленных компонентов, понимаемый в философском ключе.

Литература

1. Александр Башлачев: Стихи, фонография, библиография / [сост. О. А. Горбачев; науч. ред. Ю. В. Доманский]. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. — 222 с. — (Русская рок-поэзия: текст и контекст; Приложение).
2. Биография А. Б. от Н. Рахлиной [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://rok.kulichki.net/groups/bashlachev//mail.html>
3. Житинский А. Семь кругов беспокойного лада / А. Житинский // Башлачев А. Посошок. — Л., 1990. — С. 3—10.
4. Константинова С. Л. Дырка от бублика как предмет «русской рокологии» [Электронный ресурс] / С. Л. Константинова, А. В. Константинов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. — Вып. 2. — Тверь, 1999. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza2.htm>
5. Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция [Электронный ресурс] / И. Кормильцев, О. Сурова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. — Вып. 1. — Тверь, 1998. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/Gold/books-r/poeza.htm>
6. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. — Таллинн : Александра, 1992. — 479 с.
Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. — С. 365—377.
7. Рок-музыка в СССР: опыт популярной энциклопедии [Электронный ресурс] // [сост. А. К. Троицкий]. — Ч. 1. — М. : «Книга», 1990. — Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/?p=3418>
8. Русский язык и литература. Литература. 11 класс. [учеб. для общеобразоват. организаций] / [под ред. В. П. Журавлева]. — М. : «Просвещение», 2002. — 431 с.

УДК 811.161.1'37

Л. В. Педченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Перцептивная метафора как средство создания «образа человека» в русском диалектном языке

Педченко Л. В. Перцептивна метафора як засіб створення образу людини в російській діалектній мові. У статті досліджено метафоричний потенціал перцептивної лексики в російській діалектній мові в аспекті формування «образу людини», виявлено закономірності взаємодії системи сприйняття та інших «тілесних» і «духовних» систем людини у російській мовній картині світу. Автор ставить під сумнів ідею Ю. Д. Апресяна про бінарну організацію систем, які формують образ людини в російській мовній картині світу, про парність систем сприйняття і інтелекту. Аналіз діалектних лексем, які обслуговують різні модули перцепції, показує, що метафоричний потенціал перцептивної лексики не обмежується лише інтелектуальною сферою. Різноманіття моделей перцептивної метафори доводить, що сприйняття, яке є тим фундаментом, на якому базується пізнання і оцінка людиною навколишнього світу, пов'язане з усіма системами, що формують «образ людини».

Ключові слова: діалектна лексика, мовна картина світу, сприйняття, перцептивна метафора.

Педченко Л. В. Перцептивная метафора как средство создания образа человека в русском диалектном языке. В статье исследован метафорический потенциал перцептивной лексики в русском диалектном языке в аспекте формирования «образа человека», выявлены закономерности взаимодействия системы восприятия и других «телесных» и «духовных» систем человека в русской языковой картине мира. Автор ставит под сомнение идею Ю. Д. Апресяна о бинарной организации систем, формирующих образ человека в русской языковой картине мира, о парности систем восприятия и интеллекта. Анализ диалектных лексем, обслуживающих различные модули перцепции, показывает, что метафорический потенциал перцептивной лексики не ограничивается интеллектуальной сферой. Многообразие моделей перцептивной метафоры доказывает, что восприятие, являющееся тем фундаментом, на котором базируется познание и оценка человеком окружающего мира, связано со всеми системами, формирующими «образ человека».

Ключевые слова: диалектная лексика, языковая картина мира, восприятие, перцептивная метафора.

Pedchenko L. Perceptual metaphor as a mean of creating an image of a person in Russian dialect language. The article explores the metaphorical potential of perceptual lexicon in Russian dialect language in the aspect of the formation of the "image of a person", the patterns of interaction of the perception system and other "bodily" and "spiritual" human systems in the Russian language picture of the world are revealed. The author calls into question the idea of Y. Apresyan about the binary organization of the systems that form the image of a person in the Russian language picture of the world, on the pairing of systems of perception and intellect. The analysis of dialect lexemes serving various modes of perception shows that the metaphorical potential of perceptual vocabulary is not limited to the intellectual sphere. Different modes of perception show a closer interaction with certain systems: vision - with intellect and emotions, hearing - with intellect and speech, smelling - with actions and intellect, taste, pain and temperature sensations - with emotions, tactile sensations are associated with almost all systems. The variety of models of perceptual metaphor proves that perception, which is the foundation on which cognition and assessment of a person around the world is based, is associated with all systems that form the "image of man" – intellect, actions and activities, physiological reactions, emotions, speech etc.

Key words: dialectal vocabulary, language picture of the world, perception, perceptual metaphor.